

**MARK
GALEOTTI**

THE VORY

**RUSSIA'S
SUPER MAFIA**

YALE UNIVERSITY PRESS
NEW HAVEN AND LONDON

**МАРК
ГАЛЕОТТИ**

ВОРЫ

**ИСТОРИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ**

Перевод
Павла Миронова
и Александры Финогеновой

INDIVIDUUM
МОСКВА, 2025

УДК 316.354

ББК 60.54

Г15

Переводчики: Павел Миронов и Александра Финогорова

Галеотти, Марк

Г15 Воры. История организованной преступности в России / Марк Галеотти. — Москва : Индивидуум, 2025. — 456 с.: ил.

ISBN 978-5-6042627-1-9

За рубежом они «русская мафия», для нас они бандиты, но и тут, и там их называют «ворами». Они повсюду — в кино, книгах, криминальных сводках и, конечно, на улицах. Воровской жаргон вошел в повседневную речь, шансон — один из популярнейших музыкальных жанров, а на бизнес по-прежнему оказывает давление преступный мир. Вместе с тем «воры» все время меняются и подстраиваются под требования момента: они отказываются от принципов, за которые умирали их предшественники, перенимают тактику у зарубежных «коллег», осваивают новые технологии и умело маскируются. Книга британского политолога, специалиста по международной преступности и российским спецслужбам Марка Галеотти, — захватывающее путешествие по истории воровского мира России: от Япончика (1891—1919) до Япончика (1940—2009). Галеотти рассказывает о рождении и смерти старых «понятий», объясняет, в чем ключевые отличия владивостокских ОПГ от Санкт-Петербургских, а также показывает, как работает неумолимая логика преступного мира.

УДК 316.354

ББК 60.54

© 2017 by Yale University

Originally published by Yale University Press

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019, 2025

ISBN 978-5-6042627-1-9

Individuum®

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие Екатерины Шульман</i>	7
<i>Предисловие автора</i>	9
<i>Предисловие автора к русскому изданию</i>	13
<i>Введение</i>	27

Часть 1. Основы

1. Каинова земля	37
2. Хитровский супчик	56
3. «Воры». Рождение	78
4. «Воры» и «суки»	99
5. Воровская жизнь	117

Часть 2. Пробуждение

6. Несвятая троица	147
7. Горбачевские бандиты	173
8. «Дикие девяностые» — расцвет «авторитетов»	191

Часть 3. Разновидности

9. Банды, сети, братства	215
10. Чеченцы	253
11. Грузины	279
12. Бандит-интернационалист	302

Часть 4. Будущее

13. Новые времена, новые воры	343
14. Мафия и революция	369
15. Криминальные войны	396
16. Бандитская Россия	421
<i>Благодарности</i>	451
<i>Список иллюстраций</i>	454

Криминология — ближайшая сестра политологии среди всех социальных наук. Без изучения преступного поведения и социального механизма преступления трудно понять политические системы и политические процессы. С другой стороны, взгляд исследователя, привыкшего анализировать политический класс и бюрократию, видит и в преступности не романтику и девиацию, а общественный институт, меняющийся так, как меняется само общество. Марк Галеотти — политолог с увлекательной специализацией: спецслужбы и организованная преступность (а это родственные области). Его книга — результат тридцатилетних исследований, плотной работы с архивами, личных встреч и полевых наблюдений. Он не демонизирует и не обеляет своих жутковатых героев, не упрощает и не делает эффектных политических обобщений, выступает против определения России как «мафиозного государства» — для этого Галеотти слишком хорошо знает свой предмет. Книга написана тем стилем, одновременно точным и отстраненным, который кажется родовым свойством британской разновидности английского и так труден для перевода на страстный и оценочный русский язык, но перевод получился весьма качественный. Эта многолетняя тщательная и рискованная работа проникнута и, позволю себе предположить, вдохновлена, тем чувством, которое разделяют (и скрывают) все хорошие русологи и которое покажется особенно неочевидным применительно к предмету книги: любовью к России и уважительным к ней интересом.

Екатерина Шульман,
политолог, кандидат политических наук¹

¹ Минюст признал иноагентом. — Прим. ред.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я был в Москве в 1988 году, на излете существования Советского Союза, когда система неуклонно скатывалась в блеклое небытие, хотя тогда никто не мог предположить, что коллапс наступит так быстро. Я проводил исследование для своей докторской диссертации о последствиях войны в Афганистане и брал интервью у участников этого военного конфликта. Если получалось, я встречался с «афганцами» сразу после их возвращения с войны, а потом — через год «на гражданке», чтобы увидеть, как человек адаптировался. Большинство из этих людей были отчаявшимися, потрясенными, озлобленными; они либо взахлеб рассказывали истории об ужасах и кровавых столкновениях, либо вообще не подпускали близко, замыкались к себе. Однако спустя год почти со всеми происходила типичная для подобных обстоятельств метаморфоза: они приспособливались, принимали ситуацию. Ночные кошмары мучили их все реже, у них уже была работа, девушка, они начали копить на машину, или на отпуск, или на жилье. Но были и такие, кто не мог — или не хотел «идти дальше». Некоторые из этих психологически травмированных ребят становились совсем безбашенными, другие просто не могли вписаться в обычную жизнь и подчиняться писаным правилам.

Так, Вадим пошел в милицию, причем не куда-нибудь, а в новейшее подразделение, ОМОН, то есть стал одним из наводящих ужас «черных беретов». Кстати, именно они выступили в роли штурмовиков при последней попытке сохранить советскую систему. Саша стал пожарным, тоже логично продолжив военную карьеру

десантника. На войне его задачей было по сигналу тревоги вместе с другими бойцами погрузиться в здоровенный вертолет Ми-24 по прозвищу «Горбатый», доверху набитый оружием и снарядами, чтобы перехватить какой-нибудь восставший караван, либо спасти своих солдат, попавших в засаду. Чувство товарищества, действие по тревоге, яростный восторг от выполнения опасного для жизни, но осмысленного задания, ощущение героической жизни, столь отличной от серых советских будней, — все это помогало не забывать старые добрые афганские деньки.

А вот Володя, по кличке Чайник (ее смысла я так до конца и не понял, хотя вроде бы в тюрьмах так называют громил), пошел по другому пути. Это был жилистый, стремительный, угрюмый тип с явно угрожающей манерой поведения, завидев которого на улице, переходишь на другую сторону. На войне он был снайпером и становился раскованным, открытым, даже обаятельным парнем, только когда пускался в рассказы о том, как и сколько человек «положил» из своей любимой винтовки Драгунова. Другие «афганцы» его терпели, но им было явно не по себе в его присутствии и даже при его упоминании. Он буквально сорил деньгами, в то время как его товарищи еле сводили концы с концами, часто живя за счет родителей или хватаясь за любую работу. Все прояснилось, когда позже я узнал, что он стал наемным убийцей, боевиком. По мере того, как все структуры советской жизни разваливались и отмирали, организованная преступность все больше расправляла плечи, выйдя из подчинения партийных боссов-коррупционеров и дельцов черного рынка. Стремительно набирая силу, она привлекала в свои ряды новое поколение участников, с том числе отчаявшихся, озлобленных ветеранов последней советской войны. Одни стали телохранителями, другие костоломами, а третьи — такие, как Володя с его винтовкой — киллерами.

Мне не удалось выяснить, что с ним стало. Мы не то чтобы дружили семьями. Возможно, он сгинул в одной из бесчисленных криминальных разборок 1990-х с их взорванными автомобилями, расстрелами из проезжающих машин и ножей в спину темной

ночью. Именно то десятилетие ознаменовалось бумом помпезных похорон, когда погибших криминальных авторитетов погребали в стилистике «Крестного отца»: черные лимузины скользят по дороге, устланной белыми гвоздиками, а могилу венчает надгробие с идеализированным изображением усопшего. Эти баснословно дорогие памятники (стоимость доходила до 250 000 долларов во времена, когда среднесуточный доход составлял около одного доллара) увековечивали и излюбленные атрибуты криминальной жизни покойного: мерседес, дизайнерский костюм, тяжелая золотая цепь. Я иногда думаю, что если вдруг, гуляя по одному из излюбленных «ворами» московских кладбищ — Введенскому на юго-востоке города или Ваганьковскому на западе, я натолкнусь на Володину могилу, то непременно увижу изображение винтовки.

И все же именно благодаря Володе и ему подобным мне удалось стать одним из первых западных исследователей, кто поднял тревогу относительно угрозы роста российской организованной преступности — темы, которую прежде (за исключением трудов нескольких заслуженных ученых, по большей части эмигрантов) словно не замечали. Но людям свойственна сверхкомпенсация, и, очевидно, полное игнорирование этого вопроса в 1990-е позже перешло в панику. Эйфория Запада по поводу окончания холодной войны сменилась тревогой: ведь советские танки никогда всерьез не угрожали Европе, тогда как оргпреступность представляла собой опасность куда более реальную и непосредственную. Мы и глазом моргнуть не успели, как начальник полиции Великобритании заявлял, что к началу 2000-х ожидается всплеск криминальных войн в зеленом лондонском пригороде, Суррее, а исследователи-политологи рассуждали о глобальном рах mafiosa¹ — переделе мира между крупными преступными сообществами. Разумеется, этого не случилось, впрочем, русские банды не продавали террористам атомные бомбы, не скупали страны третьего мира, не захватывали

¹ Букв. «мир между мафиози» (итал.).

Кремль и не совершали прочих безумных действий, которые им приписывали.

1990-е годы — золотой век российских бандитов; с тех пор, с начала путинских времен, уличный бандитизм сменился государственной клептократией. Бандитские войны утихли, экономика стабилизировалась и, несмотря на действующий режим санкций и «прохладную войну» в связи с крымскими событиями, Москва пестрит «Старбаксами» и всеми прочими атрибутами глобализации, присущими любой европейской столице. Российская молодежь по-прежнему едет учиться за рубеж, российские компании выходят на IPO в Лондоне, и те русские богачи, что не попали под санкции, по-прежнему общаются со своими партнерами на Международном экономическом форуме в Давосе, на Венецианской биеннале или на горнолыжных склонах в Аспене.

За годы, прошедшие после встречи с Володей, у меня была возможность изучать российский преступный мир как дома, так и за рубежом в качестве ученого, государственного советника (включая срок службы в Министерстве иностранных дел и по делам Содружества), а также бизнес-консультанта и порой полицейского источника. Я наблюдал расцвет этого мира и его если не закат, то уж точно трансформацию, постепенное подчинение воле политической элиты, в своем роде намного более безжалостной, чем старые криминальные авторитеты. Но перед моими глазами все равно стоит образ этого стрелка в шрамах (одновременно и жертвы, и преступника в новой волне российского криминала) как воплощения общества, которое вот-вот бросится в водоворот почти не ограниченной коррупции, насилия и бандитизма.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Возможно, все дело в моем имени. По-итальянски «Галеотти» (так называлась местность, откуда мой отец уехал в Англию) означает «заключенные». Как бы то ни было, меня всегда завораживала организованная преступность. И дело было не в самих жутких преступлениях, но в возможности, заглянув в «нижний мир», узнать кое-какие истины о мире «нормальном» — подобно тому как можно представить очертания большого города, следуя по лабиринтам его канализаций, тоннелей метро и заброшенных линий электропередач.

Разумеется, при таком подходе к материалу есть риск впасть в карикатурность. Несмотря на постепенное отмирание «старого» воровского мира и замещение татуированных матерых лагерников новой порослью «воров-бизнесменов», многие люди на Западе по-прежнему находятся под властью мифа о «старых добрых бандитах». Они стали стереотипными персонажами кино и телесериалов, таким привычным способом показать Россию как особое и довольно опасное место.

Этим России оказывают медвежью услугу, поэтому немало важной причиной написания «Воров» стало желание поспорить с подобными ошибочными клише. В конце концов, роль иностранного наблюдателя, с одной стороны, всегда дает преимущества, а с другой — весьма ответственна, а уж роль исследователя неприглядных и темных сторон жизни — и подавно. Не так просто находить равновесие между объективностью и критикой, правдой и эмпатией. За годы изучения мира русской преступности

я знакомился с людьми щедрой и широкой природы, с людьми лютыми и коварными, со сломленными и теми, кто ломал других. Но будем честны: и тех, и других, и третьих можно обнаружить в любом обществе, от лондонских задворков до хайвеев Лос-Анджелеса. Так что меня интересовало, что именно — независимо от личных историй «воров», ментов, жертв и их обидчиков — стало причиной столь явного отличия российского преступного мира от остальных и почему он обрел столь характерную структуру.

Ответ лежит не в человеческих отличиях — русские, в сущности, склонны к криминалу не более и не менее других наций, — но в исторических эпохах и их специфике. Стремительная индустриализация последних десятилетий царизма, хаос революции и Гражданской войны, затем жестокая, планомерная тирания сталинского времени, сменившая ее тотальная коррупция позднего СССР и анархия девяностых — все это были фантастические эпохи, породившие фантастический преступный мир.

Все это не только помогает объяснить, почему российский преступный мир пошел по своему особому пути, но и подтверждает одну непреложную истину: ничто не длится вечно. Опять же, возьмем Италию: знаменитая мафия и другие преступные организации зародились вследствие раздробленности нации, иностранного эксплуататорства и коррумпированности местных властей, а также слабых социальных связей вне семейных кланов и деревни. Внешние обстоятельства меняются, а с ними и общество. Сегодня Италия далеко не свободна от гангстеров, но прогресс в решении этой тяжелой ситуации налицо. Поэтому я полагаю, что и Россия вполне способна постепенно расставаться со своим прошлым.

Я с волнением ожидаю реакции российского читателя. Знать о существующей проблеме — одно дело, но выслушивать все подробности из уст иностранца — совсем другое. Я старался писать интересно и пролить свет по крайней мере на некоторые темные стороны. Но я искренне старался делать это объективно, критично, правдиво и с эмпатией, о чем упоминал выше. Ведь при том,

что посторонний неизбежно ошибается в оценках, именно ему бросаются в глаза аспекты, незаметные изнутри, — и я надеюсь, что смогу открыть что-то новое российским читателям.

И последнее. Я писал эту книгу с позиции человека, который ездил и изучал Россию, писал и думал о ней на протяжении без малого тридцати лет. Причина проста: я люблю Россию и русских, я вижу прекрасное будущее вашей страны, по крайней мере такое, где мафия уже не держит ее за горло. Помню беседу с бандитом средней руки в 2010 году, когда в момент откровения он с удивлением воскликнул: «Вот ты англичанин, а веришь в нас больше нас самих!» Если так, то, надеюсь, я верю не напрасно.

*Марк Галеотти,
март 2019 года*

1. Московская Хитровка 1900-е годы, изображенная здесь, была, пожалуй, худшей из «ям», — российских трущоб, где жизнь и смерть стоили одинаково дешево. Именно здесь пропащие люди без роду без племени и без какой-либо собственности становились и преступниками, и жертвами. И неслучайно, что «воровской мир» начал принимать свои четкие очертания на Хитровке.

2. Досье царской полиции на Иосифа Виссарионовича Джугашвили, известного сначала под революционным псевдонимом Коба, а позже под фамилией Сталин. Хотя сам Сталин не грабил банки и не разбойничал на дорогах, он сыграл решающую роль в организации сотрудничества с ворами по сбору средств для нужд большевиков. Его склонность к сотрудничеству с преступным миром позже проявилась в методах управления ГУЛАГом.

3. Революционное государство испытывало трудности при создании силовых структур нового типа. На фотографии 1924 года вход в здание Рабоче-крестьянской милиции в Петрограде охраняют два сотрудника, видимо, не имеющие профессионального образования и, скорее всего, даже неграмотные.

4. «Труд в СССР — дело чести, доблести и героизма», — гласит лозунг над воротами Воркутинского исправительного лагеря (фото 1945 года). Это вряд ли служило хорошим утешением для осужденных, занятых тяжелым трудом, голодавших и часто умиравших при добыче угля в Воркутлаге, к северу от Полярного круга. В 1953 году Воркуту сотрясут бунты заключенных, которые, хотя и будут подавлены, наглядно покажут, что эпохе ГУЛАГа приходит конец.

5. «Воры» воспринимали погоны как символ армии и готовности служить государству — однако погоны в виде татуировки служили извращенным символом неприятия такой жизни. Это обрело особую важность во время «сучьей войны», когда воры-традиционалисты не только пытались демонстрировать свою независимость, но и активно противостояли «военщине» — бывшим солдатам, оказавшимся в лагерях.

6. Воровские татуировки зачастую грубы как в исполнении, так и по смыслу, однако некоторые из них являются своеобразными шедеврами. Эту татуировку во всю спину с религиозной символикой можно трактовать и как свидетельство истинной веры, так и издевательство над ней. Но она имеет и вполне конкретный смысл: каждый купол церкви означает срок и отсидку в лагере. Увы, на этой спине осталось еще немало места.

7. «Боритесь с хулиганством!» Поскольку после открытия лагерей «воры» оказались на свободе одними из первых, Советский Союз накрыла огромная волна преступности — не в последнюю очередь из-за столкновений «сук» с ворами-традиционалистами. Большинство нарушений общественного порядка официально называли хулиганством — это был удобный универсальный термин для обозначения буйного и жестокого поведения. Как подтверждает этот плакат 1956 года, против хулиганов начались репрессии по всей стране, вследствие чего «воры» ушли в тень.

8. Советские воздушные десантники в Гардезе во время десятилетней оккупации Афганистана. Войска «интернациональной помощи» будут выведены в 1989 году, однако последствия войны будут ощущаться еще несколько десятилетий. В 1990-х годах ветераны той войны, «афганцы», стали «жесткими предпринимателями», занявшими свою нишу в сфере рэкета, а поток афганского героина в Россию и через нее стабильно рос. К середине 2010-х годов его объемы составили до одной трети всей мировой торговли.